

Глава 121. Пробуждение чувств

Ван Сюань лишь покачал головой. Вообще-то Тухлое Яйцо звали Се Сюэ — красивое, изящное имя. А дурацкую кличку парню придумали соседи Гоуданя по комнате. Чёрт знает почему, но от него вечно разило сероводородом, да и чистоплотностью он не отличался. Вдобавок ко всему, Се Сюэ как-то признался, что обожает жареные яйца с зародышами. С тех пор прозвище и прилипло. Тот не обижался. Семья у него, по слухам, была небедной, характер у парня — золото, вот только неряха он был несусветный.

Впрочем, ума Се Сюэ было не занимать: учился он блестяще, настоящий гений среди отличников.

С наступлением холодов Сюэ совсем перестал стирать одежду. Ван Сюань при встречах старался держаться от него подальше. И дело было не в предвзятости — просто от одного вида Тухлого Яйца его передёргивало. Сюань и раньше-то отличался брезгливостью, а уж как пошёл на медицинский, так и вовсе превратился в жуткого чистюлю.

— Мы же мужики, чего нам выпендриваться, — попытался заступиться за товарища Гоудань.

— В нашей комнате тоже восемь человек, и все парни. Но до такого свинства никто не опускается, — парировал Ван Сюань.

— Да я-то тут при чём? — взмолился Гоудань. — Ты по другим комнатам пройдишь, у всех так. Наша ещё чистая, потому что я староста общежития и хоть как-то за порядком слежу. У некоторых на столах немытые миски плесенью покрываются! Моют их только тогда, когда чистой посуды вообще не остаётся. А воротники у всех такие сальные — хоть ножом соскабливай.

— Вот взять хотя бы нашего Бай Сяошэна. Красавчик, щёголь, каждый день в чистом ходит. Думаешь, он стирает? Как же! Поносит день, повесит на плечики. За неделю у него так штуки четыре скапливается, а на следующей он их по второму кругу надевает. И ни разу не стиранные!

Ван Сюань слышал об этом парне. Тот приехал с юга, был бледнолицым, хрупким и утончённым — настоящая интеллигенция. Поскольку фамилия у него была Бай, его и прозвали Бай Сяошэном — Книжником. Семья у него явно была при деньгах, раз позволяла покупать столько вещей, но о подобной схеме ухода за гардеробом ради спасения от стирки Ван Сюань даже не догадывался.

Ван Сюань невольно усмехнулся. Среди парней Бай Сяошэн прославился именно этой хитростью. Со стороны — образец чистоты и порядка, а на деле — обыкновенный лодырь.

— Только девчонки наивные ничего не понимают, вздыхают по нему напропалую. Мол, какой он аккуратный, опрятный, вылитый благородный учёный из древних свитков, — фыркнул

Гоудань.

— Или взять Ван Фана. Раздобыл где-то кожаные туфли, начищает их каждый день до зеркального блеска, а у самого из обуви разит так, что мухи дохнут. Да он ногти на ногах сроду не стриг!

Пытаясь доказать, что его собственная неряшливость — лишь подтверждение правила «с кем поведёшься, от того и наберёшься», Гоудань вывалил все грязные секреты мужского общежития.

— Хватит оправдываться. Что мешает тебе самому оставаться чистым лотосом в этом болоте? — поддел его Ван Сюань. — Посмотрел бы на Дэн Цзяхуэй, он ведь спит на нижней полке прямо под тобой. Почему он не опускается до твоего уровня? Ты сам-то сколько дней в одном и том же ходишь?

При упоминании этого имени Гоудань прикусил язык. Дэн Цзяхуэй действительно был самым чистоплотным в их комнате. Даже если всё вокруг тонуло в хаосе, его постель всегда оставалась безупречно заправленной, волосок к волоску. Убирался он тоже весьма своеобразно: тщательно вымывал пятachок пола у своей кровати, а до остальной комнаты ему не было дела. Свою половину тумбочки и стола он держал в идеальной чистоте, строго очертив невидимую границу.

Цзяхуэй вырос в большой и очень бедной семье в глухой деревушке на северо-западе страны — месте ещё более суровом и заброшенном, чем родные края Гоуданя. Из-за этого он дорожил каждой мелочью, постоянно всё мыл и чистил. «Если вещь беречь, она прослужит долго», — любил повторять он.

Зная, что Гоудань сам зарабатывает себе на жизнь и учёбу, Цзяхуэй искренне восхищался им и немного завидовал:

— У нас на родине и работы-то никакой нет. Чтобы собрать меня на учёбу, родители в долги влезли по уши. Дома сейчас и лебеды-то досыта не едят, одни отруби.

— Ладно-ладно, понял я, — неловко пробормотал Гоудань в ответ на упрёки Ван Сюаня.

Вспомнив о Цзяхуэе, Гоудань укорил себя за недавнюю спесь. С тех пор как у него появились шальные деньги, он начал зазнаваться, возомнил себя невесть кем. По правде говоря, он действительно расслабился и перестал экономить, как раньше. А ведь в их комнате были люди, которые зубами грызли гранит науки: талантливый Се Сыюэ и упорный, невероятно трудолюбивый Дэн Цзяхуэй.

У Цзяхуэя, совсем ещё молодого парня, на висках уже белела седина, да и зубы были нездорового, желтоватого оттенка. При первой встрече Гоудань оторопел: откуда у двадцатилетнего парня седые волосы? Теперь-то он понимал, что дело в вечном недоедании,

непосильной учёбе и, возможно, тяжёлых условиях жизни на родине, а может, и в наследственности.

Со временем Гоудань заметил, что среди их сверстников ранняя седина — не такая уж редкость.

Из разговоров с Цзяхуэем он узнал, что на его родине вечно не хватает воды, да и та горькая, жёсткая. Раньше Гоудань думал, что его родная деревня — предел нищеты, а его детство было самым суровым испытанием. Но реальность оказалась куда прозаичнее: бывали места и похуже, а у него дома, по крайней мере, всегда была вдоволь чистой, пресной воды.

Мысленно покаявшись, Гоудань вместе с Ван Сюанем подхватил тяжёлый таз с грязным бельём, простынями и пододеяльниками, и они направились в умывальную комнату.

За долгие годы совместных трудов они научились понимать друг друга без слов.

Пока они стирали, Гоудань поднял глаза на сосредоточенно трущего ткань Ван Сюаня. В груди у него что-то дрогнуло.

— Ван Сюань, как же хорошо, что ты у меня есть.

— Что за нежности посреди стирки? — проворчал тот, не поднимая головы.

— Да я серьёзно, — усмехнулся Гоудань. — Без тебя моя жизнь превращается в какой-то хаос.

Ван Сюань промолчал. Лишь спустя минуту тихо спросил:

— И что с этим делать?

— Быть вместе. Всегда, — не задумываясь, выпалил Гоудань.

Оба замерли, поражённые этими словами. Пауза затянулась. Наконец они снова принялись тереть бельё, но разговор оборвался. Между ними повисло странное, давящее молчание. Гоудань недоумевал: они ведь выросли бок о бок, никогда не знали неловкости, делились любыми мыслями. Откуда же взялось это внезапное напряжение? Что с ними происходит?

Они молча выжали простыни, развесили их на просушку и привели умывальную в порядок.

После ухода Ван Сюаня Гоудань долго не мог успокоиться, прокручивая в голове этот разговор. Он прекрасно понимал, какой смысл вкладывал в простые слова «быть вместе». С тех пор как они впервые коснулись друг друга самым сокровенным образом, не испытав при этом ни капли

отторжения или стыда, он начал смутно осознавать истинную природу своего собственнического чувства к другу. Это было не просто дружеское тепло.

«Но неужели я правда готов принять мужчину? Нет, другие парни вызывают у меня лишь равнодушие или безразличность. Я принимаю только Ван Сюаня. Получается, я вовсе не... из этих? Не по мужской части?»

«Да, так и есть. Дело не в порочной страсти. Мне просто хочется делить жизнь с Ван Сюанем, и только с ним подобные ласки кажутся естественными, правильными»

«Но была ли это настоящая любовь? Или же многолетняя привычка породила это странное притяжение? Что это — родственная привязанность выросших вместе сирот или нечто большее, настоящее глубокое чувство?»

Гоудань в отчаянии взъерошил волосы. Поделиться этими мыслями было не с кем, и никто во всём мире не мог дать ему ответ.

— Эй, глянь, — Чжао Шэн пихнул Гоуданя локтем в бок. — Сплетница Чжао Мэй опять нашла себе бесплатного помощника в лице Се Сюэ. Ну и простофиля же он!

— Что стряслось? — вяло спросил Гоудань.

— Ли Кай, дорогой мой одноклассник, тебе вообще есть дело до твоих соседей? — притворно вздохнул тот.

— Я не староста класса, — отмахнулся Гоудань.

— Зато ты староста нашей комнаты! Ладно, ты просто непрошибаем. Смотри сам: она уже в который раз вьётся вокруг нашего Тухлого Яйца. Мы-то поначалу уши развесили, думали, девчонка всерьёз им увлеклась. А она его просто использует, дурачка! Жаль парня, да только соваться к нему с советами как-то неловко. Мягко стелет, да жестко спать — прикидывается невинной овечкой, но меня не проведёшь. Я под крылом шести старших сестёр вырос, сразу вижу, когда девка снаружи сладкая, а внутри червивая, — Чжао Шэн недовольно поморщился.

— Из тех, кто сначала подгадит, а потом глазки строит, мол, я не при делах.

Чжао Шэн был парнем, но Гоуданю порой казалось, что в умении перемывать кости тот даст фору любой деревенской кумушке.

Гоудань мельком глянул в сторону Се Сюэ и Чжао Мэй.

— Ну и пусть. На каждый товар свой купец, сами разберутся.

Видя, что Гоудань не горит желанием обсуждать чужие дела, Чжао Шэн потерял к нему интерес. Он увлечённо продолжил наблюдение, попутно втянув в дискуссию соседей по партам.

Чжао Шэн рос единственным сыном в окружении шести сестёр, так что его характер порой действительно утомлял. Видимо, слишком долгое пребывание в женском обществе наложило свой отпечаток — парень обожал поболтать, посмеяться и посплетничать. Впрочем, несмотря на домашнее баловство, он умудрился поступить в превосходный университет, а значит, глупцом точно не был. Жаль только, свой недюжинный ум он тратил в основном на разгадывание девичьих уловок.

Вскоре вывесили результаты первой проверочной работы для первокурсников. Гоудань занял почётное третье место. Первым, как и ожидали, стал Се Сыюэ, второе место досталось какой-то прилежной студентке. А вот упорный Дэн Цзяхуэй оказался лишь пятым. Тот воспринял это как личное поражение — весь день ходил чернее тучи и не проронил ни слова.

За полгода учёбы они успели втянуться в студенческую жизнь. В вузе никто никого не заставлял учиться, всё зависело от личной дисциплины. Но в науке, помимо усердия, важны ещё гибкость ума и правильный подход. Гоудань не считал себя лентяем, но до фанатичного рвения Цзяхуэя ему было далеко. И то, что он обошёл соседа по комнате, теперь казалось неловким. Любые утешения прозвучали бы как хвастовство, поэтому Гоудань предпочёл промолчать.

Цзяхуэй же явно не собирался мириться с поражением. Он засел за учебники с ещё большим неистовством. В университете полагалась стипендия, и хотя нынешний экзамен был лишь промежуточным, итоговый рейтинг за семестр складывался из множества оценок, уязвлённое самолюбие не давало парню покоя. Он никак не мог взять в толк, почему при всех своих титанических усилиях остался за бортом первой тройки.

Вскоре Гоудань начал замечать, что сосед снизу относится к нему с глухой неприязнью. Обида затмила их прежнее товарищество.

— Да всем Цзяхуэй хорош, только больно завистлив, — фыркнул Чэнь Вэньлай. Он никогда не лез за словом в карман и терпеть не мог людей, готовых рассориться из-за пустяка. — Небось локти кусает оттого, что ты и на курсы иностранного ходишь, и на спортивной площадке вечно зависаешь, а оценки у тебя выше. Зависть глаза застит. Ему и невдомёк, что за каждым успехом стоит невидимый труд. Откуда ему знать, сколько сил ты тратишь, пока никто не видит?

— Оставь его, — примирительно отозвался Гоудань. — С его семейным положением эта стипендия жизненно необходима.

— А кому она лишняя? Мне бы тоже не помешала! — тут же возразил Ван Фан. — И не надо так на меня смотреть. То, что у моих родителей водятся деньги, не значит, что мне карманы жжёт. К тому же стипендию распределяют по всему факультету, а у нас на первом курсе куча групп.

Результаты будут только в конце года, так чего заранее извилины сушить? Всё решит честное состязание.

— Пойду я, проведу Ван Сюаня, — Гоудань поднялся, решив прекратить пустой спор.

Впрочем, мысли о стипендии крепко засели у него в голове. Сумма за первое место была весьма приличной, и упускать её он тоже не собирался.

Вещи, которые он привёз из деревни, в основном предназначались для тёплой погоды, а старая зимняя куртка стала тесна и изрядно поизносилась. Ван Сюань уже пообещал съездить в универмаг за тёплой зимней одеждой. Все их сбережения хранились у Сюаня: тот строго рассчитывал ежемесячный бюджет на питание и мелкие расходы, а крупные суммы без крайней необходимости не трогал.

Гоудань подумывал о том, чтобы положить оставшиеся деньги на банковский счёт — хоть какие-то проценты набегут. В столице полно богачей, так что их скромные накопления вряд ли привлекут чьё-то внимание. Тем более после покупки торговой лавки и жилья на окраине родного уездного города свободных денег у них осталось совсем немного.

<http://bllate.org/book/19654/1996796>